

«...Оли»

ПОСЛЕ той страшной дорожной аварии Дмитрий Иванович не хотел возвращаться домой. С перевязанной головой, с загипсованной левой рукой он лежал в больнице, сначала под капельницей, потом – без этих пугающих проводков и трубок, силы постепенно возвращались к нему, навещал брат, приносил еду, фрукты, лекарства. Дмитрий Иванович начал поправляться.

Когда ещё лежал под капельницей и к нему пришёл брат, Дмитрий Иванович спросил у него, что с женой и сыном, они тогда тоже были в машине. Брат взял Дмитрия Ивановича за руку и, с состраданием глядя ему в глаза, произнёс. – Митя, держись, похоронил я Надежду и Петю...

Дмитрий Иванович рванулся, оторвал от себя проводки, брат закричал, вбежала сестра, вколола успокоительное.

Теперь, через неделю после этого происшествия Дмитрий Иванович, казалось, стал спокойнее. Однако к нему подселили выздоравливающего пациента, чтобы тот присматривал за непредсказуемым больным.

Дмитрий Иванович объявил брату, что в свою трёхкомнатную квартиру возле метро «Красные ворота» он не вернётся. Попросил брата найти ему жильё «где-нибудь в глуши». Николай Иванович вспомнил про домик в деревне, который снимал когда-то, пока не построил дачу. Домик находился в

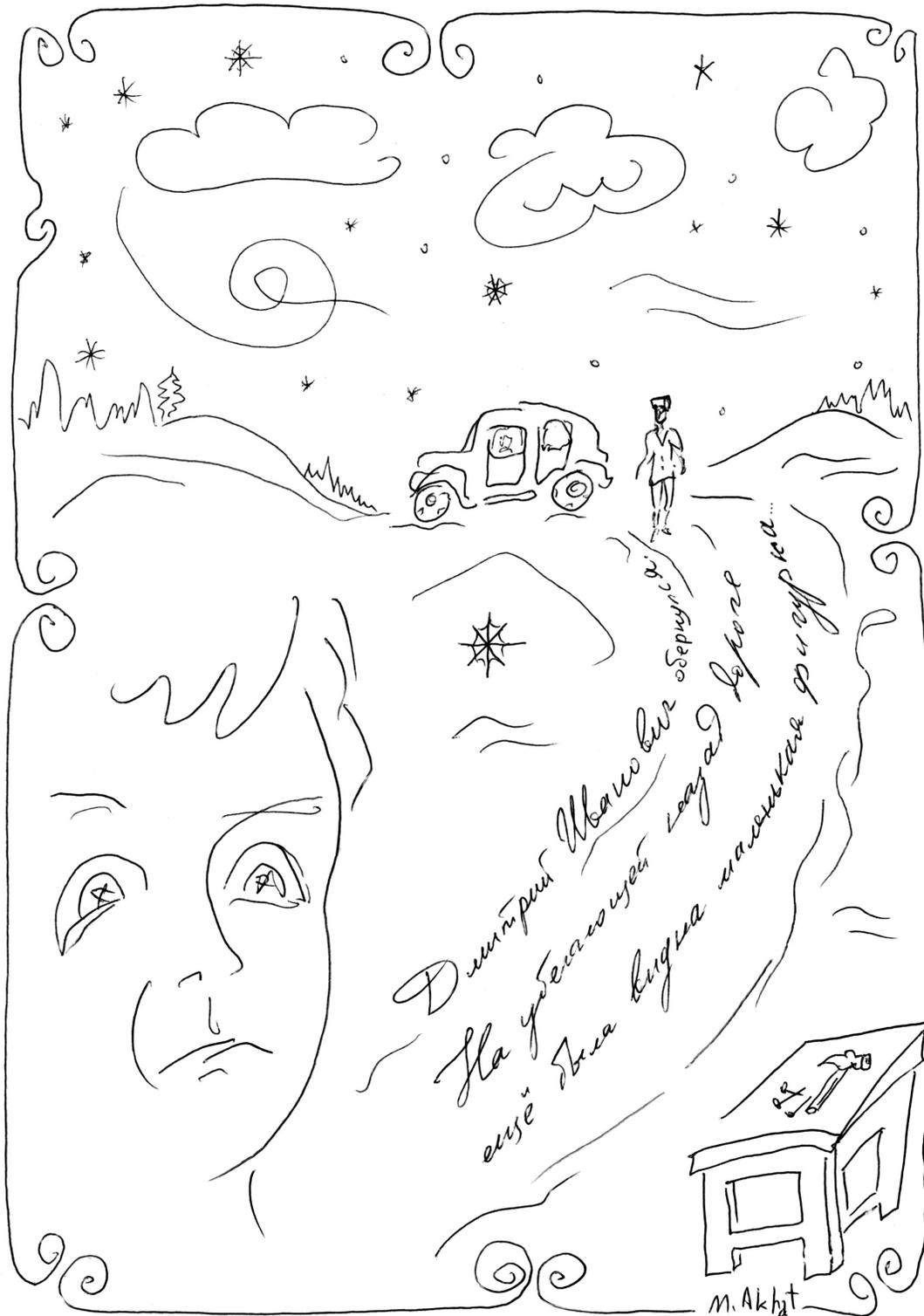
двухстах километрах от Москвы, в деревне Черногровка, куда можно было добраться только на машине.

– А как с работой? – спросил Николай Иванович.

– Возвращаться не хочу. Съезди к ним, скажи, что я увольняюсь. У меня есть кое-какие сбережения, продержусь немного, а там посмотрю. Пока я не работник, в голове у меня пусто.

Хозяйка дома в Черногровке, бабка Евдокия, как оказалось, жила у дочери в городе, но ключи от дома оставила соседке Марье Захаровне, которая и открыла дверь Николаю Ивановичу, которого хорошо помнила. Она сказала, что Евдокия наказала ей сдавать жильё приезжим людям, летом тут жил тихий художник из Москвы, всё писал местные овраги да лесочки, печь в избе топится исправно, дрова в сарае имеются. Плата скромная, деревня стоит вдалеке от большой дороги. Николай Иванович взял ключи от дома и сообщил Марье Захаровне, что привезёт брата на следующей неделе.

Он привёз Дмитрия Ивановича в ненастный ноябрьский день, моросил мелкий дождь, дороги были размыты, но мощный джип Николая Ивановича легко преодолел все лужи и ямы на дороге и благополучно добрался до Черногровки. Подъехав, открыли избу, изнутри пахло сушёными травами, подвешенными у печки, на столе стоял вычищенный самовар, у печи лежали дрова. Это, видно,

Друмпур Уланович оёришди
Ша йстерасиет лозад
евсе Шиса бигна манукка прурфиса...
Борол

постаралась Марья Захаровна. Холодильник в избе имелся, хоть и небольшой – старенький «Минск». Николай Иванович выгрузил банки с тушёной, лососем, выложил пакеты с хлебом, с макаронами, гречкой, сахаром, пообещал приехать к брату в воскресенье. Хотел оставить мобильник, но Дмитрий Иванович отказался. «Хочу тишины», – сказал он. И Николай Иванович уехал, посигналив на прощанье.

Первые три дня Дмитрий Иванович почти всё время спал, лёжа на железной кровати с шпешечками на спинках. На ней было настелено два матраса, бельё Дмитрий Иванович привёз с собой, подушка была мягкая, пуховая, так что спалось хорошо. Иногда, открывая глаза, видел в окне ворону, сидящую на ветке берёзы. Соседка Марья Захаровна заходила утром, затапливала печь. Видя, что жилец не поднимается с постели – то ли болен, то ли сильно уставши, – принесла и оставила на столе миску с яйцами, молока в банке. Дмитрий Иванович поднялся, выпил молока, подтопил печь и снова залёг.

Через три дня, однако, почувствовал, что належался. Поднялся, надел куртку, сапоги и вышел во двор. У сарая под навесом лежали дрова, за забором темнела водопроводная колонка, по ту сторону улицы простирался сизый лес. Дмитрий Иванович набрал в ведро воды, внёс в дом. Заглянул в сарай. Там было темно, сыро, вдоль стен лежали дрова. В углу валялись вёдра, лопаты, бочка, в каких обычно солят огурцы. И стоял какой-то железный ящик, запёртый на замок.

Дмитрий Иванович решил прогуляться. Улица в деревне оказалась единственной. Вдоль неё стояли крепкие на вид бревенчатые избы с узорчатыми ставнями на окнах, с воротами, запирающимися на железные скобы, кое-где можно было увидеть колодезного журавля. С одной стороны к домам подступал лес, с другой описывала дугу неширокая речка с ивовыми кустами, склоняющимися к воде.

Дмитрий Иванович медленно шагал по подмёрзшей дороге и думал о том, что в деревне, видно, никто не живёт. Из труб не вился дым, во дворах никого не было видно, окна заколочены досками. И ни одной собаки. Лишь из трубы крайнего дома, стоящего у оврага, слабо вился дымок, у ворот стоял человек в овчиной шапке, в полушубке, в валенках с галошами. И кричал: «Учка! Учка!» Дворняжка с обвислыми ушами и хвостом-кренделем бегала около него, иногда подбегая к человеку и тыкаясь в него мордой.

Дмитрий Иванович подошёл ближе, поздоровался.

– Асте! – отозвался подросток и широко улыбнулся, показав розовые дёсны с кривыми зубами. Разрез глаз у него был, как у олигофрена.

– Я Дмитрий Иванович, – сказал Дмитрий Иванович. – Живу у бабки Евдокии.

– Удожик? – выговорил подросток.

– Нет, не художник, – догадался Дмитрий Иванович. – Отдыхающий. А тебя как зовут?

– Оли, – выговорил подросток.

– Коля? – переспросил Дмитрий Иванович.

Паренёк радостно закивал.

– С кем живёшь? – спросил Дмитрий Иванович, поглядывая на задёрнутые занавески в окнах дома.

– С едой.

– С дедом?

И опять подросток радостно закивал, побежал во двор и стал обеими руками махать Дмитрию Ивановичу, приглашая войти в дом.

Дмитрий Иванович поколебался, но всё-таки решил зайти.

В просторной полутёмной избе топилась печь, потрескивали дрова. У окна стояла кровать, застеленная голубым пикейным покрывалом, поверх покрывала лежали пышные подушки, накрытые кружевными накидками. У второго окна на топчане лежал косматый дед в свитере, по пояс накрытый лоскутным ватным одеялом. На столе стоял самовар, чашки. На стене висели фотографии в

деревянных рамок, в углу были навалены доски.

– Здравствуйте, – сказал Дмитрий Иванович.

– Здорово, коли не шутите, – пророкотал старик, поднимаясь с постели. – Кузьма Платоныч. Отколь будете?

– Дмитрий Иванович, из Москвы, живу у бабки Евдокии, – ответил Дмитрий Иванович.

– Художеством заниматься приехали? Скоро снег выпадет, всё белым-бело будет, – усмехнулся старик, опуская ноги в валенки, стоявшие у кровати.

– Чайку желаете? Коля, подкрепитьеся пора. Неси хлеб, сало.

Подросток с готовностью бросился за печку, принёс буханку хлеба, завёрнутую в полотенце, спустился в погреб, вынес сала в полиэтиленовом пакете.

– Чем богаты, тем и рады, – сказал Кузьма Платоныч. – Садитесь, расскажите что-нибудь. А то и поговорить не с кем. Радио не работает. Одна Марья Захаровна в деревне осталась. Да и та в город наострила лыжи, к сыну. Картины, значить, пишете?

– Нет, – покачал головой Дмитрий Иванович, присаживаясь на шаткий стул.

– А чего приехали?

– Побывать в тишине, без людей, – вздохнул Дмитрий Иванович.

Он был уже не рад, что зашёл.

Кузьма Платоныч покосился на него и кивнул:

– Да, бывает, надоедают люди. Как же вас жена-то отпустила? По виду, человек вы ухоженный...

Дмитрий Иванович поднялся и шагнул к двери:

– До свиданья. – И вышел вон.

На улице постоял, сдерживая рвущийся из груди крик, глотнул несколько раз и стал считать вслух:

– Раз-два-три-четыре-пять...

Это научил его врач в больнице. Мол, как вам захочется кричать, крушить всё подряд, начинайте медленно считать, пока не успокоитесь...

Дмитрий Иванович зашагал обрат-

но, в избу Евдокии, решил больше никуда не выходить.

Подтопил печь, сварил суп из лосося, выпил чая из электрического чайника, привезённого с собой.

Постучавшись, вошла Марья Захаровна.

– Прогулялись? – спросила приветливо. – А я яичек вам принесла. Куры, слава богу, несутся. И Сильва не жадничает.

– Сильва? – переспросил Дмитрий Иванович.

– Коровушка, кормилица моя. Молоко даёт исправно. Кузьму Платоныча видели? Как он, ходит?

Дмитрий Иванович пожал плечами.

Марья Захаровна присела на стул, вытерла лицо платочком, вздохнула. – Ноги у него ослабли, теперь всё больше лежит. Хорошо, Коля дров в дом занесёт, за водой ходит. Мать-то Колина, Глаша, в город подалась, работу там нашла. Наезжает редко... Вот эти двое и держатся друг за дружку, один старый, другой малый, два весёлых гуся. Не то плохо, что малый, а что на голову слаб. Чисто ребёнок. Но не вредный...

– Магазины тут нет? – поддержал разговор Дмитрий Иванович.

– Был магазин, теперь – только в Михеевке. Без работы как жить? Вот и уехали все, магазин в Михеевку перевели. И медпункт там. Ко мне кум на мотоцикле приезжает, привозит, что скажу. Если вам что надо, тоже привезёт. Ну, отдохайте...

И Марья Захаровна покинула избу.

Дмитрий Иванович забрался было под одеяло, решил подремать. Но, как назло, только закрыл глаза, сразу представилась городская квартира, и как он с Надей и Петьюкой сидит за столом, ест пирог с капустой, выпеченный по случаю воскресенья.

Дмитрий Иванович вскочил, оделся, вышел во двор. Решил нарубить дров. Нашёл топор в сарае. Заметил железный ящик на замке. Тряхнул замком, он тут же отвалился. Дмитрий Иванович поднял крышку, в ящике лежали книжки, пыльные, потрёпанные. «Справоч-

ник фармацевта», «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Жизнь замечательных людей. Чаадаев». И ещё какие-то. Дмитрий Иванович захлопнул ящик, пошёл колоть дрова.

С полчаса как заведённый махал топором, с уханьем раскалывал полено, отбрасывал в сторону, снова ставил перед собой полено, взмахивал топором.

Марья Захаровна вышла на крыльцо, постояла, глядя на него, покачала головой, ушла к себе.

За забором появился Коля вместе со своей Жучкой. Остановился, тоже стал смотреть, как Дмитрий Иванович разделяется с дровами. С радостным криком побежал обратно, в конец деревни под залиvistый лай Жучки.

Дмитрий Иванович, наконец, разделался с дровами. Отнёс поленья в сарай, достал из ящика пару книжек, вернулся в избу.

Раскрыл книжку, она была о Чаадаеве.

**Любви, надежды, тихой славы
Недолго тешил нас обман...**

– прочёл он стихи Пушкина, посвящённые Чаадаеву.

И чуть не застонал. Вспомнил, как Петька учил дома уроки. Сидел за обеденным столом, подперев вихрастую голову рукой и завывающим голосом произнося строчки какого-нибудь стихотворения, заданного в школе.

В лес, что ли, сходить, подумал Дмитрий Иванович. Буду ходить до тех пор, пока не устану, пока не свалюсь. Оделся в свитер, куртку-пуховик, взяв в руки палку, направился через дорогу к осинам на опушке леса, дрожащим на холодном ветру последними листочками. Жаль, не охотник, с ружьишком сподручнее ходить по лесу, вроде как по делу ходишь, усмехнулся он. Как там Тургенев ходил с ружьём целыми днями по лесам? Только во времена Тургенева, кажется, крестьян в деревне было больше. Дмитрий Иванович шёл, не разбирая дороги, по залежавшимся жёлтым листьям, устилающим мёрзлую землю, мимо голых, совсем не живопис-

ных осин, берёз, кустов орешника, поглядывая вверх, на серенькое небо, по которому ветер гнал клочья облаков. И вдруг повалил снег. Сначала редкими снежинками, потом – всё гуще, быстрее, земля, ветки деревьев, весь лес на глазах покрывались белыми пятнами, снег всё валил и валил. Дмитрий Иванович решил повернуть назад, как бы не заблудиться. Однако, оказывается, зашёл в лес совсем недалеко, пройдя метров триста-четыреста назад, опять оказалась на опушке леса, откуда просматривалась Черногровка с её чёрными избами, правда, теперь крыши домов покрылись белыми снежными шапками, стали наряднее.

Переходя дорогу, Дмитрий Иванович глянул в конец деревни и увидел Колю. Тот бегал, прыгал у дороги, раскинув руки, подставляя лицо падающему снегу, ловил раскрытым ртом летящие с неба снежинки и кричал во всё горло что-то радостное, нечленораздельное. Господи, чего он радуется, подумал Дмитрий Иванович. Увидев Дмитрия Ивановича, Коля вскрикнул и побежал к нему, ещё шире раскинув руки, как бы собираясь обнять его. «Дурачок», – подумал Дмитрий Иванович и, отвернувшись, зашагал в избу Евдокии. Но потом всё же остановился, обернулся к бегущему подростку, подождал. Коля добежал и с радостным криком ударился прямо в грудь Дмитрию Ивановичу.

– Коля, да будет тебе, совсем с ума сошёл от радости! – засмеялась Марья Захаровна, вышедшая во двор. – Это он снегу так радуется. Чисто ребёнок!

– Ну что, Коля, пойдём ко мне? – позвал Дмитрий Иванович. – Супом из лосясы тебя угощу.

Коля закивал, неуклюже переваливаясь, направился за ним.

– Коля, как Кузьма Платоныч? – спросила Марья Захаровна.

Коля обернулся, остановился, выговорил:

– У-чи!

– Стучит? А чего стучит-то? – спросила Марья Захаровна.

Коля поискал глазами, увидел пень у

стены сарая, подошёл к нему и медленно присел на пень.

– Ул ела, – выговорил он.

– Стул делает? – спросила Марья Захаровна.

Коля кивнул.

– Когда пойдёшь домой, зайди, я молока вам дам. – Марья Захаровна направилась в сарайчик, к своей Сильве.

Дмитрий Иванович накормил Колю супом, напоил чаем из электрического чайника. Показал, что у него есть в рюкзаке. Там был электрический фонарик, «аптечка автомобилиста» – это заботливый брат сунул в рюкзак, газета «Коммерсант» месячной давности, карманный калькулятор, фляжка с водкой и набор для пассажира фирменного поезда: зубная паста, щётка, кусочек мыла, гигиеническая салфетка, расчёска, одноразовые тапочки – всё это в аккуратном прозрачном пакетике, закрывающемся на кнопку. Дмитрий Иванович ездил месяц назад в командировку и в поезде выдали этот набор, который он так и не открыл. Брат и сунул в рюкзак, мол, пригодится.

Коле понравился электрический фонарик, он всё включал и выключал его. Потом расчесался расчёской из набора. Дмитрий Иванович протянул ему весь набор. Коля просиял...

Потом увидел книжку на столе, сказал:

– Удоджик!

– Художник книжки оставил? – спросил Дмитрий Иванович.

Коля кивнул.

– Читать умеешь? В школе учился? – спросил Дмитрий Иванович.

Коля поднял три пальца.

– Три класса окончил?

Коля кивнул.

– Ну, прочти... – Дмитрий Иванович раскрыл книгу о Чаадаеве, пододвинул подставку.

Тот посмотрел в книгу, потом двинул её обратно Дмитрию Ивановичу.

– Мне почитать? Хорошо. – И Дмитрий Иванович начал размеренно, по слогам читать.

Любви, надежды, тихой славы
Недолго тешил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман.

Он поднял глаза и увидел, что Коля сосредоточенно, склонив голову набок, смотрит в окно.

– Нравится? – спросил Дмитрий Иванович.

Коля кивнул.

Дмитрий Иванович перевернул страницу и начал читать текст от автора:

– Философ, поэт, западник, друг Александра Сергеевича Пушкина Пётр Яковлевич Чаадаев родился в 1794 году. В своих «Философических письмах» выразил критическое отношение к русской истории, православию, самодержавию...

Коля вскочил, перевернул страницу обратно и ткнул пальцем туда, где были стихи.

– Стихи больше нравятся? – спросил Дмитрий Иванович.

Коля кивнул.

Дмитрий Иванович продолжил чтение стихов.

Через некоторое время Коля встретился, стал к чему-то прислушиваться.

Дмитрий Иванович тоже услышал далёкий звон, размеренные удары чем-то тяжёлым по металлу.

– Еда! – вскочил Коля и направился к выходу.

Обернулся и замахал рукой, зовя Дмитрия Ивановича следовать за ним.

Когда Дмитрий Иванович с Колей подошли к крайнему дому деревни, увидели Кузьму Платоныча, тот стоял на крыльце в накинутой на плечи телогрейке и с силой бил кочергой по сковороде, подвешенной к козырьку крыльца.

– Где тебя носит? – накинулся он на Колю.

Коля виновато произнёс что-то нечленораздельное.

– Это, наверное, я виноват, я его в гости зазвал, – произнёс Дмитрий Иванович. – А что случилось?

– Ничего! – отрезал старик. – Только он должен знать, что пока не выполнил

свою работу, гулять ему не разрешаю. Он должен был сделать табуретку!

– Какую табуретку? – удивился Дмитрий Иванович.

– Обыкновенную. Чтобы в Михеевке на базаре продать и купить сахара и хлеба! – сердито сказал Кузьма Платоныч. – Как он будет жить, если не умеет делать хоть что-то?

– Ну, он ещё подросток, – возразил Дмитрий Иванович. – И у него есть мать.

– И где она, эта мать? – крикнул Кузьма Платоныч. – Пропадёт ни за грош, если не будет столярничать, слесарничать. А в город подастся – быстрее пропадёт, прибудут, и с концами! Хулиганья разделается или полиция, которая нынче не разбирает, за что бьёт. Он в нынешней жизни, особо городской, не разберётся. Его и в дворники не возьмут, не сможет он исполнять городскую работу.

Коля стоял, виновато сопел, потом заплакал.

Старик вздохнул. – Ладно, Коля, пойдём ладить табуретку...

И оба направились к двери.

Старик обернулся. – Вы – человек приезжий, приехали и уехали, а ему здесь жить. На баловство времени нет...

Дмитрий Иванович пожал плечами и зашагал к себе.

Вечером, когда Марья Захаровна зашла к нему, принесла молока и яиц, он рассказал, как Кузьма Платоныч отчитал его.

– Не сердитесь на Кузьму Платоныча, он человек не злой. Просто за Колю переживает. Глаша-то прислугой в Москве устроилась, её и в воскресенье домой не отпускают, приезжает раз в месяц. А Кузьма Платоныч чувствует, что плох, на тот свет уж собрался, вон, гроб себе соорудил, в сарае поставил...

– Какой гроб? – удивился Дмитрий Иванович.

– Обыкновенный. Он мне объяснил: если, мол, случится что, Глаша не сразу приедет, и Коля не справится, не сможет похоронить. Вот Кузьма Платоныч и приготовился, попросил меня взять заботы на себя, чтоб похоронила его

и Колю взяла в свой дом, пока Глаша не приедет... Ведь у нас и почты нет, а как телеграмму Глаше отбить? Была бы помоложе, на лыжах бы добежала до почты в Михеевке, а сейчас вряд ли... И я бы уехала к сыну, он зовёт, да жалко дом оставлять, в котором жизнь свою прожила, детей вырастила... Опять же Сильва при мне, курочки... В городе-то, небось, и молоко дорогое, и яички, а тут Сильва молочко даёт, сена немножко похрумкает и даёт...

– А раньше как было? – спросил Дмитрий Иванович.

– Раньше? Хорошо было! Во всех домах жили! Ну, конечно, председатель колхоза подворовывал немножко, пил частенько... Когда совхоз сделали, тоже не всё ладно было... Но работа всё ж была, за неё платили! У всех своё хозяйство было, огород, скотина... А сейчас тут только вороны летают, каркают... И кто тут хозяином дальше будет? Узбеков каких поселят или цыган?

Поздно вечером, когда Дмитрий Иванович погасил свет, попробовал зазнуть, в дверь постучался.

– Удожик! Удожик! – слышался за дверью просительный голос Коли.

И негромкое тьяканье Жучки, видно, Коля пришёл вместе с собакой.

Дмитрий Иванович не стал подниматься, открывать дверь. Притворился, что спит.

Утром приехал Николай Иванович, сообщил, что был на работе Дмитрия Ивановича, того не отпускают с работы, говорят, контракт есть контракт, должен исполнять работу, в крайнем случае могут дать ещё неделю отпуска, а потом пусть является, конкуренты не дремлют.

– Да ты, я смотрю, уже оклемался, – сказал Николай Иванович, оглядывая брата. – Может, поедем? Поживёшь пока у нас, если не хочешь к себе. Или закажем номер в гостинице, уютный, тихий, чтобы близко к работе, чтобы не торчать в пробках, по Москве теперь невозможно ездить.

Мощный джип Николая Ивановича отъехал от дома Евдокии. На крыльце соседнего дома стояла, махала рукой

Марья Захаровна. Когда проезжали мимо крайнего дома Черногривки, со двора выбежал Коля и побежал за машиной, крича что-то нечленораздельное, только непонятно было, радостное или жалобное. Он бежал и махал обеими руками, а потом сорвал с головы шапку и стал расчёсываться расчёской, подаренной ему Дмитрием Ивановичем. И Дмитрий Иванович вспомнил, как Петька провожал его обычно. Играет, бывало, с мальчишками во дворе, а Дмитрий Иванович выходит из подъезда и направляется к машине. Тут Петька сразу оставлял товарищей, бежал к отцу, спрашивал: «Ты скоро вернёшься? Скоро?» Не любил расставаться, переживал всегда. И когда машина выезжала со двора, долго бежал следом и махал рукой...

Черногривка осталась позади. Мимо понеслись заснеженные поля, леса, овраги, в воздухе закружились редкие

снежинки. Николай Иванович включил приёмник. Певец пел песню о любви, о той, что была и кончилась. Голос у певца был сильный, выразительный, верилось, что страдает он по-настоящему.

Дмитрий Иванович обернулся. На убегающей назад дороге ещё была видна маленькая фигурка, машущая руками.

Дмитрий Иванович подумал: может, несчастье, случившееся с ним – это кара за то, что часто отворачивался от протянутых к нему рук, за то, что не находил в себе участия, сострадания к тому, кто обращался к нему? Но ведь он не Иисус Христос, не Мать Тереза... – обыкновенный человек, каких много на земле...

– О чём задумался? – прервал размышления брат.

– Да так... – ответил Дмитрий Иванович. – Останови-ка тут, пожалуйста.

